
Воспитание кота

В предрассветный час, когда ночные тени сгустились до предела, дыхание Ло Хуая стало прерывистым и тяжелым.

Он лежал на огромной кровати в номере люкс, ощущая сквозь дрему, как тело наливается свинцовой слабостью. Одурманенный разум подал запоздалый сигнал об опасности — инстинктивно Ло Хуай сжался в комок, закрывая жизненно важные органы, и потянулся к потайному карману, где всегда прятал лезвие.

Но не успел он шевельнуться, как тыльную сторону его ладони обожгло мимолетным, легким шлепком. В этом жесте не было боли — лишь немой, почти ласковый упрек.

— Даже во сне нет покоя?

Чуть слышный смешок коснулся его слуха.

Обычно, прежде чем провалиться в забытие, Ло Хуай лично удостоверился, что рядом нет ни единого живого существа. Этот звук мгновенно вырвал его из оцепенения.

Он резко распахнул глаза. Взгляд правителя, поначалу ледяной и пронзительный, встретился с глазами сидящего на краю постели Чу Сюня — и зрачки Ло Хуая судорожно сузились. В его черных глазах, еще затуманенных остатками дурмана, проступило нечто... по-детски растерянное и неуклюжее.

Прошло немало времени, прежде чем он медленно опустил голову. Смахнув влажные от пота волосы за спину, юноша поспешно отвел взгляд, не в силах больше смотреть на собеседника.

Чу Сюнь курил. Сквозь полупрозрачную сизую дымку Ло Хуай видел лишь его глаза — яркие, пугающе живые; всё остальное казалось расплывчатым наваждением. Мягкий свет ламп обрисовывал безупречные линии лица гостя — от крутых надбровных дуг до четкого подбородка.

Раньше всё было точно так же.

Заметив, что «хозяин» проснулся, Чу Сюнь лениво затушил сигарету. Он собирался обсудить условия своего найма и круг обязанностей, но слова почему-то застряли в горле.

Ло Хуай не стал его слушать. Он протянул руку, выудил из пепельницы недокуренную сигарету и прижал её к губам, словно отчаянно нуждаясь в горьком послевкусии табака, чтобы окончательно прийти в себя.

Опустив ресницы, правитель заговорил. Его голос звучал странно — надтреснуто и глухо, в нем сквозила едва уловимая ирония.

— Я думал, ты уйдешь, не оглядываясь.

Пока он говорил, серый пепел осыпался ему прямо на ладонь. Кожу обожгло, и Ло Хуай инстинктивно сжал кулак, будто пытаясь через эту вспышку боли убедиться в реальности происходящего.

Чу Сюнь бросил на него короткий взгляд и легонько щелкнул Ло Хуая по лбу.

От этой внезапной «атаки» тот опешил. Пальцы невольно разжались, и хлопья пепла разлетелись по полу.

Чу Сюнь медленно провел ладонью по его щеке и с мягкой усмешкой ответил:

— Пока работа не закончена, я буду рядом.

— Вам не любопытно узнать, кто был моим прошлым нанимателем? Он-то не дышал галлюциногеном SPII в той комнате.

Собеседник намеренно сменил тему, и Ло Хуай, вскинув голову, посмотрел на него долгим, нечитаемым взглядом.

— Я и так знаю, — бросил он. — Ты ведь обещал предать его? Что ж, веди меня к нему.

Говард сидел в своем номере, осушая бокал за бокалом в тщетной попытке унять дрожь. Стены клуба «Святая Мария» славились безупречной звукоизоляцией, но окно, которое Чу Сюнь оставил открытым перед уходом, так и не заперли. Снаружи до мужчины доносились отголоски редких выстрелов.

Сдохнет ли этот дьявол Ло Хуай сегодня в порту?

Говард не смел на это надеяться, но знал одно: в Одиннадцатом округе для него места больше нет. Он сделал неверную ставку. Никто не мог предвидеть, что жалкий самозванец, который

должен был сгнить в могиле, вернется и превратит этот город в кровавый хаос.

В разгар мучительных раздумий в дверь вежливо постучали. Три долгих удара, два коротких. Похоже, нанятый им чистильщик вернулся.

Он помедлил мгновение, а затем распахнул дверь, словно открывая ящик Пандоры.

На пороге стоял высокий статный юноша в форменной рубашке официанта. Его лицо показалось Говарду смутно знакомым.

Заметив недоумение на лице нанимателя, Чу Сюнь улыбнулся:

— Я пришел за тем, что оставил у вас.

Это и впрямь был тот самый киллер. Его маскировка была поистине совершенной.

Говард не спешил впускать его. Вцепившись взглядом в глаза юноши, он прохрипел:

— Твоя миссия... она увенчалась успехом?

Чу Сюнь взглянул на него и ответил с дежурной, безупречной вежливостью:

— Вы в любой момент можете проверить результат.

Волна облегчения захлестнула Говарда. Почти обезумев от радости, он схватил наемника за руку и нетерпеливо выдохнул:

— Где его труп?!

— Здесь.

Ледяной тон, ворвавшийся в тишину комнаты, заставил Говарда застыть соляным столпом. В этот миг он рухнул из рая прямоком в преисподнюю.

Он беспомощно наблюдал за тем, как человек, вышедший из-за спины Чу Сюня, медленно переводит на него взгляд.

Ло Хуай вежливо, но пугающе улыбнулся. Его слова прозвучали как смертный приговор:

— Советую вам убрать руки, господин Говард.

Говоря это, он совершенно бесцеремонно сам положил ладонь на руку Чу Сюня.

Тот привык закатывать рукава рубашки, чтобы ничто не стесняло его движений, и теперь холодные пальцы правителя коснулись его предплечья. От ночного холода на бледной коже Ло Хуая проступили тонкие красные нити сосудов, резко контрастируя с едва заметными голубоватыми венами на руке спутника.

Могла ли ситуация быть более абсурдной? Жертва, которая должна быть мертва, нежно прижимается к своему несостоявшемуся убийце.

Ло Хуай всегда жил словно в вакууме, не подпуская к себе никого. За последние пять лет Говард впервые видел его в такой почти интимной позе. От этого зрелища у заговорщика по спине пробежал мороз.

Ему не нужно было гадать — правитель снова всех переиграл.

— Значит, ты с самого начала был человеком Ло Хуая, — пробормотал Говард, не сводя глаз с Чу Сюня. — Еще одна дымовая завеса, чтобы выманить нас...

Чу Сюнь негромко рассмеялся, явно забавляясь. Медленно кивнув, он подтвердил:

— Верно. Я всегда был его человеком.

В ту же секунду он почувствовал, как пальцы Ло Хуая на его руке едва заметно дрогнули. Мгновение спустя, подобно задетой мимоходом стыдливой мимозе, правитель украдкой сжал ткань чужого рукава.

Но если посмотреть выше — перед Говардом стоял всё тот же грозный правитель, чей голос заставлял трепетать каждого предателя.

— Разве для таких, как вы, нужны дымовые завесы? — бесстрастно произнес Ло Хуай. — Мне просто не нравится, когда насекомые прыгают слишком высоко. А вырезать вас поодиночке — слишком утомительное занятие.

— Оставьте свои пустые иллюзии. Что толку, если я умру? В тот миг, когда солнце взойдет, а я не буду занимать пост правителя, все акции ваших семей, хранящиеся в банке Хуасуй, превратятся в обычную макулатуру.

Ло Хуай смотрел на Говарда сверху вниз. Тот едва держался на ногах, опираясь на трость, а в глазах правителя разгоралась холодная злоба.

Но через мгновение он усмехнулся, неожиданно даруя врагу жизнь.

— Продолжай служить мне до самой смерти, снedaемый своей яростью, Говард. Я дарю тебе жизнь лишь потому, что твои последние слова мне... очень понравились.

Договорив, Ло Хуай окончательно потерял интерес к этой жалкой псине.

Он хотел немедленно уйти, но в итоге прислонился к стене и покорно дождался, пока Чу Сюнь заберет свой сверток.

За окнами мчащегося автомобиля проносились огни ночного города. Вся суeta и блеск мегаполиса остались снаружи; в тесном салоне царилa тишина, нарушаемая лишь негромкими аккордами блюза.

Чу Сюнь только что получил личное приглашение от Ло Хуая — правитель решил забрать его в свое поместье. Такого прецедента в истории Одиннадцатого округа еще не было. Когда Ло Хуай озвучил свое решение, Айдела, едва придя в себя, одарила Чу Сюня таким ошеломленным взглядом, будто видела его впервые.

Даже спустя время она, кажется, не могла осознать масштаб случившегося, бормоча под нос:

— Чертовщина какая-то... он же совсем на него не похож...

Юноша не отвечал, лишь подбадривающе похлопал её по плечу.

Еще издали он увидел главное поместье семьи Грифон. Роскошный особняк был построен с использованием огромного количества черного стекла. В ночной тьме эти зеркальные грани казались стенами баснословно дорогой и неприступной тюрьмы.

Ло Хуай молча затянул ручной тормоз и припарковался у обочины. До цели оставался порядочный путь, но он молча вышел из машины.

Он не проронил ни слова, но Чу Сюнь и без объяснений понял его настрой. Спутник неспешно последовал за ним.

Ночной воздух был сухим и колючим. Чу Сюнь потянулся к Ло Хуаю и плотнее застегнул на нем пуговицы пальто. В этот миг подошел дежурный патрульный, чтобы напомнить: парковка здесь запрещена. «Если хотите свиданий — выберите другое место», — начал было он.

Но стоило полицейскому разглядеть лицо правителя, как слова застряли у него в горле. Он мгновенно вытянулся в струнку и отдал честь.

Ло Хуай лишь едва заметно кивнул и бросил ключи на лобовое стекло, чтобы подчиненные позже отогнали машину.

Он сделал пару шагов вперед, но вдруг замер и обернулся.

Чу Сюнь, разумеется, и не думал за ним бежать. Он остался на месте и, лукаво щурясь, о чем-то перешучивался с оторопевшим патрульным.

В груди Ло Хуая вспыхнуло глухое раздражение. Он вернулся и властно обхватил ладонь Чу Сюня, будто собирался немедленно арестовать преступника.

— Не спеши так, босс. Я еще не успел объяснить офицеру, что я вовсе не твой маленький любовник.

— С такой скоростью ты завтра станешь героем всех сплетен в городе.

Чу Сюнь издал короткий смешок.

Правитель замедлил шаг и отвернулся. Лицо его оставалось непроницаемым, а губы были плотно сжаты.

Чу Сюнь видел его насквозь: Ло Хуай не применял силу. Он лишь прижал свою ладонь к запястью юноши, изображая подобие рукопожатия, но не решаясь на большее.

Тогда Чу Сюнь перехватил его руку, переплетая свои пальцы с его.

На безымянном пальце Ло Хуая тускло поблескивало серебряное кольцо с Уроборосом — тот самый подарок. Теперь холод ночного инея, осевший на металле, смешался с теплом ладони Чу Сюня.

Когда тот ответил на рукопожатие, Ло Хуай мертвой хваткой вцепился в его руку. В этом жесте было столько отчаянной решимости, будто он больше никогда не собирался его отпускать.

Но мгновение спустя он всё же ослабил хватку.

Они шли мимо сияющих рекламных щитов, на которых красовались лимитированные украшения «Чёрный лебедь» к празднику влюбленных. Продавцы заманивали пары рассказами об уникальном дизайне, вдохновленном редкой породой лебедей с границы, обещая вечную

любовь.

В последние годы в Одиннадцатом округе почему-то вошло в моду игнорировать холеных домашних птиц и охотиться за дикими особями с самой границы, доставляя их в город за тысячи миль.

Только Чу Сюнь знал истинную причину: всё это делалось лишь для того, чтобы угодить вкусам правителя.

Глядя на рекламу, он не смог сдержать легкой усмешки в своих серебристо-голубых глазах. Обернувшись к Ло Хуаю, Чу Сюнь насмешливо заметил:

— Кажется, лебеди в Ного были куда скромнее здешних красавцев.

Бледные брови Ло Хуая дрогнули. Эти слова сорвали с него маску покорности, обнажив глубоко запрятанную обиду и холодную ярость.

Прошло время, прежде чем он заговорил. Голос его был сухим и безэмоциональным:

— Разве не ты учил меня, как важна власть? Если я скажу, что они лучшие — значит, так и есть. И никто здесь не посмеет мне возразить.

Когда-то Чу Сюнь внушал ему законы джунглей, твердил, что нельзя проявлять милосердие к предателям. Он говорил так, будто Ло Хуай был рожден для вершины власти... а в конце преподавал ему последний урок, расплатившись собственной жизнью.

Ло Хуай запомнил каждое слово. Он пытался подавить эту выжигающую сердце ненависть, позволяя боли пропитать каждую клетку своего тела.

Ему казалось, что он привык жить без наставника. Всё выглядело почти нормальным.

Но теперь этот человек снова стоял перед ним — в той же позе, готовый в любую секунду раствориться в ночи.

Ло Хуай больше не мог притворяться. Да и зачем?

«Я всегда был его лучшим учеником», — бесстрастно подумал он.

Теперь у него достаточно сил. Чтобы убить его, чтобы запереть в золотой клетке... чтобы этот лебедь больше никогда не смог упорхнуть.

Они вместе вошли в поместье, и тут произошло нечто неожиданное. Принцесса, которая обычно пряталась в глубине дома и почти не показывалась людям, внезапно выскочила из кустов.

Она запрыгнула на ограду и коротко мякнула.

Кошка с сомнением разглядывала Чу Сюня, застыв в напряженном ожидании. Но, видимо, она всё же узнала его — того самого хозяина, к которому когда-то так стремилась.

Чу Сюнь улыбнулся и тихо произнес:

— Какая умница.

Ло Хуай опустил глаза и глухо добавил:

— Да, она умная. Ты всегда её любил.

— Но всё равно бросил.

С этими словами хозяин поместья сделал шаг вперед и буквально уткнулся лицом в грудь Чу Сюня. Он поднял голову; его лицо было бледным и хрупким, словно драгоценный фарфор.

Но в этой хрупкости таилась угроза. Стоило Чу Сюню дать неверный ответ, и Ло Хуай был готов разбиться вдребезги, изранив осколками и себя, и того, кто стоял перед ним.

— Если она тебе нравится, я могу отдать её тебе, — непринужденно предложил правитель. — Но ты должен будешь хорошо о ней заботиться.

— Если ты снова её бросишь... я буду очень зол.

Он медленно обхватил Чу Сюня за талию. Холодное острие ножа в его руке едва ощутимо уперлось в живот юноши — безмолвная, но красноречивая угроза.

— Обещай мне, — прошептал Ло Хуай. — Обещай, что будешь послушным.

Чу Сюнь промолчал.

Он давно заметил эти опасные игры, но разве это имело значение? С невозмутимым видом юноша поднял руку и обхватил лицо Ло Хуая, небрежно коснувшись его исхудавшего подбородка.

— На самом деле ты ведь не любишь кошек, — с улыбкой произнес он.

— Но ты продолжаешь её держать. Потому что чувствуешь, что тебя бросили точно так же, как её?

— Звучит печально, дорогой мой.

Он чувствовал, как клинок медленно протыкает ткань рубашки, отзываясь тупой болью. Глаза Ло Хуая покраснели, он молча сверлил собеседника взглядом, и в этом взоре блестели непрошенные слезы — будто это ему, а не Чу Сюню, сейчас угрожали смертью.

Выдержав паузу, он вздохнул и негромко произнес:

— Я не люблю возиться с кошками. Но я не говорил, что не стану выхаживать тебя.

— Ты слишком истощен, Ло Хуай. С завтрашнего дня начни уже вести себя прилично.

<http://bllate.org/book/15843/1435313>